

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ МЕТОНИМИЙ И МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Мухтаруллина А.Р.

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», Россия, г. Уфа, 450074, ул. Фрунзе, 32. E-mail: mukhomor_ltd@mail.ru

Предлагается рассмотрение основных положений теории метафоры и метонимии в традиционном и когнитивном ракурсах исследования. В современной лингвистике метонимия трактуется не только как троп или механизм речи, состоящий в переносе имени с одного класса объектов на другой класс, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности и вовлеченности, а наряду с метафорой как когнитивный инструмент осмысления действительности, способствующий концептуализации новых знаний. Традиционная классификация включает в себя метонимические связи по смежности количественно-объемного, причинно-следственного, субъектно-объектного, предметного, признакового, ассоциативного и прочего характера. Не всегда можно провести четкую грань между метафорой и метонимией, что объясняется рядом общих черт. Метафора и метонимия: 1) концептуальны по своей природе, 2) могут войти в концептуальную систему человека и, следовательно, использоваться автоматически, неосознанно, конвенционализироваться; 3) значительно расширяют лексикон за счет того, что, как правило, в процессе переноса языковое выражение области-источника используется для обозначения области-цели. В качестве иллюстрации в статье предлагается анализ примеров метонимий, метафор и метафтонимий, выполняющих помимо индивидуализирующей и характеризующей текстовых функций, также и когнитивную функцию.

Ключевые слова: метонимия, метонимический перенос, метафора, метафтонимия, когнитивный инструмент, когнитивная функция.

COGNITIVE BASIS OF METONYMY AND METAPHOR IN ENGLISH FICTION TEXTS

Mukhtarullina A.R.

Bashkir State University, Russia, Ufa, 450074, Frunze Str.32. E-mail: mukhomor_ltd@mail.ru

The basic assumptions of the theory of metaphor and metonymy are suggested for consideration in the traditional and cognitive aspects of investigation. In the modern linguistics metonymy is treated not only as a trope or figure of speech transferring the name from one class of objects to the other one, associated with it by contiguity, adjacency or involvement, but also as a cognitive tool of reality interpretation, enhancing the conceptualization of new knowledge. The traditional classification of metonymic relations by contiguity includes relations of quantity-volume, cause-effect, subject-object type, as well as the attributive and associative relations. Indeed, it is sometimes impossible to draw the demarkation line between metaphor and metonymy since there are some identical features: 1) metaphor and metonymy are conceptual by nature, 2) both may enter the human conceptual system and be employed automatically, unconsciously, i.e. become conventionalized, 3) both considerably enrich the vocabulary, since as a rule in the process of transference the language expression of the source-domain is used to designate the target-domain. To illustrate the case the article provides the analysis of instances of metaphor, metonymy and metaphonymy, which alongside with identifying and characterizing functions in the text fulfill the cognitive function as well.

Keywords: metonymy, metonymic transference, metaphor, metaphonymy, cognitive tool, cognitive function.

В традиционном смысле метонимия (от греч. Μετόnymia – переименование) определяется как троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию.

Название может быть перенесено: 1) с вместилища на содержимое или объем содержимого (*блюдо* – “тарелка”, “еда”); 2) с материала на изделия из него (*медь* – “металл”,

“деньги”); 3) с места на его жителей (*Вся деревня плясала*); 4) с действия на его результат, место или объект действия (*остановка* – действие и место); 5) с формы выражения содержания или его материального воплощения на само содержание (*толстая книга* – предмет, *интересная книга* – содержание); 6) с отрасли знания науки на его предмет (*грамматика*); 7) с социального события на его участников (*конференция* – “состоится в мае”, “приняла важное решение”); 8) с социальной организации на сотрудников, помещение (*фабрика* – “ремонтируется”, “бастует”); 9) с целого на часть и наоборот (*груша* – “дерево”, “плод”); 10) с эмоционального состояния на его причину (*ужас* – “страх”, “ужасное событие”); 11) с имени автора на его произведение (*читать Толстого*) [5].

Цель исследования. Современные концепции, относящиеся к изучению метонимии, сходятся во мнении, что в ее основе лежит синтагматическая структура, которую принято называть “смежность”. Однако, в определении отношений смежности имен и объектов нередко игнорируются отдельные элементы триады *Означающее – означаемое – референт*. В итоге недооценивается тот факт, что метонимический перенос отличаются особые условия формирования смежности категорий отраженной реальности: при метонимическом переносе отношения смежности локализуются не в реальной действительности, и не в семантической системе слова – объекты действительности вступают в отношение смежности, будучи отраженными в человеческом сознании. Метонимически употребленное слово соотносится с объектом реальности с помощью текста, в который оно интегрировано. Установление отношений знака и объекта предполагает обращение к структурам, организующим прошлый опыт и учитывающим ситуацию порождения текста. Целью данного исследования, соответственно, служит выявление и анализ метонимических и метафорических связей в художественном тексте с учетом системной организации знания как условия существования переносного смысла.

Материалом исследования являются художественные тексты английских и американских писателей XIX-XX вв.

Методы исследования включают контекстный и стилистический анализ, а также метод моделирования когнитивных метафор.

Исследование метонимии связано с рассмотрением переноса наименования в качестве референтно-семантического явления. Осуществляя сдвиг в референции, метонимическое обозначение обеспечивает идентификацию объектов путем указания на их признаки и связи. Семантические преобразования, сопровождающие изучаемое явление, характеризуются ослаблением денотативных семантических компонентов и усилением второстепенных компонентов, по которым происходит согласование значений. В этой связи интерес представляют работы тех исследователей, которые говорят о необходимости анализа не

столько семных, сколько реляционных оснований семантической структуры метонимии [2]. Метонимическая смежность в этом случае наблюдается в синтаксических оппозициях, к которым принадлежат семантические составляющие лексических единиц. Метонимический перенос получает описание в виде структуры, элементы которой взаимодействуют на основе механизма обоснования: результирующее значение обосновывается сочетанием исходного значения с семантическим предикатом.

Соответствующее этому определение метонимии как механизма речи дается А. Н. Токмаковым: "... механизм заключается в переносе имени с одного объекта на другой и основан на том, что в сознании говорящего семантические категории имен объектов вступают в отношения семантической смежности" [6]. С помощью метонимии создается косвенная референция, которая носит интенциональный характер и позволяет использовать перенос наименования в качестве выразительного средства. Общеязыковая и речевая метонимии структурно идентичны, отличаются видами переносов, выступающими в качестве переменных величин при постоянной конструкции.

Место метонимии в структуре речи определяется текстовыми функциями метонимических переносов. Так, метонимия вводится в контекст как ёмкий по своей семантике знак, создаваемый не только в лексических целях, но и для обеспечения связности элементов текста, моделирования компонентов смысла, семантической компрессии. *Связующая* функция метонимических обозначений наблюдается в условиях повторной номинации, когда между двумя единицами устанавливаются анафорические отношения, т. е. одно из них содержит отсылку к другому. У этих единиц – общий референт, получающий в тексте прямое и косвенное обозначение.

Анафорические отношения могут включать элементы множественной повторной номинации, устанавливающие связи как с обосновывающей их единицей, так и между собой. Наибольшую связь с текстом демонстрируют развернутые метонимические построения, которые можно назвать "развернутой метонимией". В основном, развернутая метонимия предполагает варьирование означающих одного референта. Другой вид развернутой метонимии заключается в использовании одного наименования для референции к различным объектам.

При использовании метонимического переноса часть значений переходит в разряд подразумеваемых. Метонимия выполняет функцию моделирования компонентов смысла. Скрытые компоненты подсказываются т. н. логикой событий, а точнее процедурой реконструкции предиката, сопровождающего данный тип переноса.

Текстовое развертывание метонимии проявляет зависимость от типа конструкции, по которой совершается перенос. Местная, поссессивная, объектная конструкции обеспечивают

дескриптивность текста, что объясняется природой сопровождающих их предикатов. Причинный и результативный типы метонимического переноса позволяют связывать отдельные отрезки текста в повествовательном плане. Так, в рамках действия причинной конструкции имя некоторого состояния способно заменить имена источников этого состояния.

Семантическая компрессия текста связана с проявлением принципа экономии языковых средств. Явление семантической компрессии объясняется особенностями сложения значений: значение целого не равно сумме значений компонентов. С учетом семантической структуры метонимического переноса языковым последствием такого сложения являются тенденции к сокращению повторяющихся значений.

Результаты исследования. Анализ современной отечественной и зарубежной лингвистической литературы позволяет сделать определенные выводы относительно когнитивной природы метонимии. Согласимся, что именно метонимия наряду с метафорой – две ментальные сущности, которые являются исходной посылкой “основных характеристик познания” [9;10]. Трактовка когнитивного механизма метонимии предлагается нами в духе У. Крофта, как актуализация части в пределах целого ментального пространства: 1 *We need a couple of strong bodies for our team. There are a lot of good heads in the university. We need some new faces around here.* Само собой разумеется, что во всех трех предложениях речь идет о людях. Что любопытно, в каждом из этих примеров высвечивается самый подходящий для того или иного случая аспект человеческой жизнедеятельности: будь то выделенная в спортивном контексте когнитивная модель “physical strength” (*физическая сила*), соотнесенная с категорией “body” (*тело*) в первом примере, или в контексте университетского образования модель “intelligence” (*ум*), соотнесенная с категорией “head” (*голова*). Категория “face” (*лицо*) наиболее заметно выдвинута на первый план в контексте знакомства с новыми людьми, т. к. именно эта часть тела первой бросается в глаза при знакомстве [13].

Кроме того, необходимо учитывать и традиционную классификацию метонимических связей – по смежности количественно-объемного, причинно-следственного, субъектно-объектного, предметного, признакового, ассоциативного и прочего характера. Типичные примеры такого рода отношений представлены в следующей таблице:

Part for whole “Часть за целое”	<i>All hands on deck</i>
Whole for part “Целое за часть”	<i>To fill up the car</i>
Container for content	<i>I'll have a glass</i>

“Вместилище за содержимое”	
Material for object “Материал за предмет, из которого он изготовлен”	<i>A glass, an iron</i>
Producer for product “Изготовитель за продукцию”	<i>To buy a Ford</i>
Place for institution “Место нахождения за учреждение”	<i>Talks between Washington and Moscow</i>
Place for event “Место действия за событие”	<i>Watergate changed our politics</i>
Controlled for controller “Подконтрольное за контролирующее”	<i>The buses are on strike</i>
Cause for effect “Причина за следствие”	<i>His native tongue is German</i>

Как видно из примеров, метонимия выступает не только как фигура речи в сфере литературного языка, но, так же как и метафора, выполняет роль “когнитивного инструмента” (*cognitive instrument*) [12].

Помимо общего когнитивного начала, лингвисты выделяют и ряд различий между метафорой и метонимией.

С позиции логического синтаксиса Н.Д. Арутюнова разграничивает метафору и метонимию следующим образом: во-первых, отмечается, что для метафоры естественно функционировать в сфере предиката (шире, атрибутов). Из двух возможных для метафоры функций первичной должна быть признана функция характеристики, а функция идентификации объектов – вторичной. Предоставляя в распоряжение языка определенную технику номинации, метафора угасает, утрачивая семантическую двуплановость. Для метонимии, напротив, типично выполнение идентифицирующей функции по отношению к конкретным предметам. Взаимоотношение метафоры и метонимии, выполняющих разные синтаксические функции, Н. Д. Арутюнова трактует в терминах *контраста* [1].

Наблюдаемые Дж. Лакоффом и М. Тернером различия связаны со структурой и с сохранением логических связей в ментальных пространствах. Если в метафоре одна структура, как правило, накладывается на другую структуру и логические связи области-

источника переносятся на логические связи области-цели, то в метонимии осуществляется, в основном, функция референции – при помощи метонимии можно установить связь с каким-либо элементом концептуальной структуры через установление связи с другим элементом той же структуры: один элемент структуры соответствует другому одному элементу той же структуры или всего ментального пространства в целом [11].

Однако, не всегда можно провести четкую грань между метафорой и метонимией, что объясняется рядом общих черт. Метафора и метонимия 1) концептуальны по своей природе, 2) могут войти в концептуальную систему человека и, следовательно, использоваться автоматически, неосознанно, *конвенционализироваться*; 3) значительно расширяют лексикон за счет того, что, как правило, в процессе переноса языковое выражение области-источника используется для обозначения области-цели.

На основе взаимодействия центробежной и центростремительной тенденций семантические расширения языковых значений посредством метафоризации и метонимизации рассматриваются различными теориями (Riemer 1999; 2002, 379-401; Barselona 2000 a31-58,b; Radden 2000; Seto 1999; Panther, Günter 1999; Wilkins 1996; Kronenfeld 1996). Н. Ример, исследуя глаголы, принадлежащие тематическому ряду *hit / percussion* “удар”, предлагает рассматривать метафору и метонимию в терминах конвенционализации, как две новые категории: гиперметафора и гиперметонимия [14]. Гиперметонимии представляют собой изначально метонимические семантические расширения, которые со временем обобщаются и конвенционализируются, так что теперь более не зависят от связи с референтом: их контексты употребления давно “перешагнули” область их исходного значения. То же самое можно сказать и о гиперметафорах, которые изначально являясь метафорическими выражениями концепта, с которым на данный момент всякая связь отсутствует, продолжают передавать значение, ранее выражавшееся метафорой. В своей работе Н. Ример вступает в полемику с Л. Гуссенсом относительно придания независимого статуса конвенциональным метафорам и метонимиям. Л. Гуссенс, в свою очередь, постулирует существование ряда комбинаторных процессов, именуемых *метафтонимиями* [7] и передающих отношения: “метафора от метонимии”, “метонимия внутри метафоры”, “деметонимизация внутри метафоры” и “метафора внутри метонимии”. Ример признает отношения, управляющие данными типами расширения не комбинаторными, а скорее конвенционализированными и *гиперкатегориальными*.

Данный когнитивный механизм метафтонимии, рассматривается в отечественной лингвистике К. В. Голубкиной, которая вслед за Гуссенсом, Лакоффом и Тернером, постулирует концептуальную зависимость метафоры от метонимии (кумулятивная метафтонимия), и объединение метафоры и метонимии в рамках одной концептуальной

операции (интегрированная метафтонимия) [3]. В проводимом нами исследовании мы придерживаемся данной классификации, а также взглядов на сущность метафоры Н.Д. Арутюновой и рассматриваем случаи языковой реализации метафоры, метонимии и метафтонимии в текстах коротких рассказов английских писателей. Все частные случаи метафорического и метонимического переноса значения могут быть объединены в крупные информационные блоки – метафорические модели. Известен ряд базовых метафор, порождающих множество метафорических моделей различных сфер, например, метафорическая модель «воля – вещество в контейнере» [4].

Выводы. Нами были выявлены следующие когнитивные метафорические и метонимические модели и их смешанные типы. **Метафоры: образные:** 1) природные (образ–поток воды) *to the huge delight of the young Duke of Cheshire, who proposed to her on the spot, and was sent back to Eton that very night by his guardians, in floods of tears.*” (O. Wilde); 2) образ “вспышка, взрыв” *“the twins burst into shouts of laughter”*....(O. Wilde); 3) образ “вместилище”: *the mouth was a wide well of fire, ...*(O. Wilde); 4) образ – “человек”: *“All night long he sings, and the cold, crystal moon looks down, and the yew tree spreads out the giant arms over the sleepers.”* (O. Wilde); 5) сентенционные: *“He was sitting by the window, watching the ruined gold of the yellow trees fly through the air, and the red leaves dancing madly down the long avenue.”* (O. Wilde); 6) артефактные: *“... but passion has made his face like pale ivory, and sorrow has set her seal upon his brow* (O. Wilde); 7) социальные, модель “болезнь – общество”: *“I deal with you the way I’d deal with a leper. You are diseased. You are a member of a leper organization. I don’t want to be infected. – You were studying law to become a leper? – A lawyer. A doctor, in a sense, for the defence of the healthy against the sick.”. “You were the one who always used to complain to me about the factories when you were a kid. You were a regular pain in the ass.” (M. C. Smith); модель “любовь – война”: *“ I don’t want to be treated like that,” she would explain patiently and maybe a little sadly when she removed my hand from her arms for the one hundred thousandth time. Attack and defence, invasion and repulsion... Luckily, however, there were traitors, fifth columnists, in the opposing camp. Some girls had simply positioned themselves in a way that encouraged access.” (N. Hornby).**

Метонимии: модель 1) “объект – субъект”: *“I come from a foreign country, where we have everything money can buy.”* (O. Wilde); 2) “материал – изделие”: *“Standing on the steps to receive them was an old woman, neatly dressed in black silk, with a white cap and apron”* (O. Wilde); 3) “содержимое – вместилище”: *“Here they found tea laid out for them...*(O. Wilde); 4) “нематериальное – материальное”, конвенциональные: *“I have seen things with my own eyes, sir,” she said, “that would make any Christian’s hair stand on end... “Mr. Otis, however, and his wife warmly assured the honest soul that they were not afraid of ghosts...*(O. Wilde); 5) “целое –

часть”: “...*she suddenly broke off her engagement with the present Lord Canterville’s grandfather, <...>, declaring that nothing in the world would induce her to marry into a family that allows such a horrible phantom to walk up and down the terrace at twilight* (O. Wilde); 6) ”физический орган – человек”: “*Her long brown hair was loose, and her eyes looked boldly at Arkady almost at his level*” (N. Hornby).

Метафтонимии: “... *he fled down the corridor, uttering hollow groans, and emitting a ghastly green light.*” ; “...*and a large pillow whizzed past his head!*” “*The only person who did not enter the joke was little Virginia...*”; “*The ghost glared at her in fury...*” (O. Wilde); “*Belov rooted through his desk drawers and found an industrial map.*” (N. Hornby).

Таким образом, при всем многообразии и богатстве образов, создаваемых метафорами, метонимиями и метафтонимиями, и при том, что они выполняют в текстах функции – индивидуализирующую и характеризующую, с помощью которых содержательная информация распределяется на выделенную (“фигуру”) и фоновую, они, помимо этого, реализуют и когнитивную функцию – способствуют концептуализации новых знаний, предлагают новый ракурс осмысления действительности.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. – С. 352.
2. Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке // Таксономия и метонимия. –М., 1985.
3. Голубкина К.В. Когнитивные основания эпитета в художественном тексте: Автореф. дис. канд. филол. наук. –М., 1998. -26с.
4. Латыпова Ю.А. Семантические модели концептуальной метафоры (на примере концепта “воля” в русском, английском и башкирском языках). - Уфа: Вестник БашГУ, 2013.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. - 2-е изд., доп. - М.: Большая рос. энцикл., 2002 (1998). - 709 с.
6. Токмаков А.Н. Метонимия как средство прагматического воздействия (на материале французской кинокритики): Автореф. дис. канд. филол. наук. –М.: МГЛУ, 2000. –С.17-22.
7. Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Cognitive Linguistics I, 1990. – P.323-340.
8. Goossens L. By Word of Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective. -Amsterdam: Benjamins, 1995. – P. 175-204.
9. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. -Chicago: University of Chicago Press, 1987.

10. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. - Chicago, London: University of Chicago Press, 1980. – P. 38-42.
11. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason// A Field Guide to Poetic Metaphor*. -Chicago: Chicago University Press, 1989.
12. Black M. *Models and metaphors*. - New York, 1962. - P.45.
13. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies// *Cognitive Linguistics*/ ed. René Dirven & Ralf Pörings. -Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. – P.161-205
14. Riemer N. Remetonymizing metaphor: Hypercategories in semantic extension // *Cognitive Linguistics*. – Cambr., 2002. -P. 379-401.

Рецензенты:

Ибрагимова В.Л., д.фил.н., профессор, ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа;

Сергеева Л.А., д.фил.н., профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.